

СМЕРТЬ ИВАНА СИДОРОВИЧА

Олег Табаков в спектакле Камы Гинкаса по пьесе лауреата «Антибукера» Олега Богаева

Независимая газета. — 1998. — 4 нояб. — с. 7

Олег Табаков в роли Ивана Жукова.
Фото Михаила Гутермана

Глеб Ситковский

У ОДНОГО — ямочки на щеках и детская лукавая улыбка. У другого вечно настороженный, колющий взгляд и отвратительная манера говорить собеседнику то, что он о нем думает. Одного всю жизнь любовно зовут «наш Лёлик» и глядят по голове. Другой с гордостью называет себя «неприятным человеком». Первого принято считать жизнелюбом и сибаритом, второго, исходя из его же собственных спектаклей, правильнее определить в смертлюбы.

Так они и сошлись. Лед и пламень. Камы Гинкас и Олег Табаков. Сошлись на пьесе екатеринбургского драматурга Олега Богаева «Русская народная почта». Жюри литературной премии «Антибукер» в номинации «Три сестры» посчитало эту пьесу лучшей среди всех, что вышли в свет в 1997 году. Не хочу торопить события (официальная премьера состоится только 10 ноября), но все же возьмусь предсказать: не только пьесе, но и спектакль по пьесе Олега Богаева в скором будущем, по всей вероятности, тоже ждут всякие премии.

Гинкас заглавие пьесы переименовал — слова «Русская народная почта» вынесены теперь в подзаголовок (как жанр, что ли?), а спектакль (он принадлежит Театру-студии под руководством О. Табакова, но играется на сцене ТЮЗа) называется у него «Комната смеха». Комната смеха — так безжалостно определена комната-гроб, в которой доживает свои дни старый человек Иван Сидорович Жуков. Огромный, обитый сталью полугроб-получеиодан, изобретенный художником Сергеем Бархиным, в начале спектак-

ля вывозят к зрителю машинисты сцены. Прямо из металлической машины в крохотное оконце на нас с любопытством смотрит старческое лицо. «Вира! Майна! Давай-давай!» — и вот «гроб» со скрежетом распаивается.

Иван Сидорович у себя дома — «старый пен» среди давно уже мертвых вещей. Остановившиеся часы, неработающий телевизор, разошедшийся шифоньер с разбитым, но затем склеенным зеркалом... Кстати, насчет зеркал: комната смеха — это, кажется, место, где зеркала все врут? Смотришь, скажем, в зеркало и видишь себя стариком. Табаков долго смотрит то на себя в зеркало, то на свой портрет в молодости, сравнивает, пытается, наверное, понять, где настоящее лицо... Бросает это дело. Ходит из угла в угол на своих трех ногах (в смысле — с костылем), потом садится за стол, включает настольную лампу (больше света никакого! Гинкас почти не использует прожекторов, и лицо старика мы видим то при свете холодильника, то в отблеске «снега» из телевизора). Пишет письмо. «Здравствуй, дорогой Ваня Жуков! Пишут тебе Мишка, Гришка и Федор. Мы давно уже тебя искали и вот наконец нашли». «Здравствуйте, дорогие Мишка, Гришка и Федор!» — отвечает им Ваня Жуков. — Как здорово, что вы меня наконец нашли. Я-то думал, что вы на войне погибли. Расскажите, в каких городах вы живете. И какие у вас цены?». «Живем мы в прекрасном просторном городе. Про войну в этом городе никто и не слышал. И цены в нашем городе всегда низкие».

Ивану Сидоровичу никогда не попасть в тот прекрасный город, где живут Мишка, Гришка и Федор. Ему никогда не выйти из своей комнаты. Он только ведет

переписку — с королевой английской Елизаветой Два (как ее называет герой), с вождем мирового пролетариата Владимиром Ильичом Лениным, с президентом нашей страны, со своими клопами... И кружит, кружит, приволакивая ногу, по своей абсолютно изолированной от всего мира квартире. Своеобразная пляска смерти. За последнее время у актера Олега Табакова это уже вторая пляска смерти. Первая была в фильме Киры Муратовой «Три истории», где он тоже сыграл старика — отвратительного старика, который, абсолютно бесполезный, коптит небо до той поры, пока дело с помощью крысиного яда не поправляет одна милая и благоразумная маленькая девочка. Но старик у Муратовой и старик у Гинкаса в исполнении большого актера Олега Табакова настолько непохожи друг на друга, что их вряд ли назовешь даже родственниками. У Табакова-Жукова и в помине нет той пресловутой тягучести речи, которой актера часто попрекали как его фирменным «штампом». Не позволяет он себе демонстрировать и знаменитое «табаковское обаяние», чем, возможно, разочаровывает тех зрителей, которые активно поощряют его к этому в начале спектакля, смехом и аплодисментами реагируя на каждый поворот головы своего любимца, а потом смущенно умолкают. Поверив словам Гамлета о том, что суд знатока должен для актера перевешивать целый театр, заполненный несведущими, Олег Табаков работает в этом спектакле не согласно лозунгу «Зритель всегда прав», а — для вечности.

Яростно борясь с табаковскими самоповторами, Гинкас впускает тем не менее в свой спектакль одну цитату из Табакова. Много-много лет назад «розовский мальчик» Олег в фильме «Шумный день» по пьесе «В поисках радости», схватив со стены шашку, начинал рубить в куски родительскую мебель — символ мешанского быта. Ныне бывший гвардии рядовой Иван Жуков лупит шашкой по проклятым стальным стенам своего «гроба» — от важно и столь же безуспешно сражается не с бытом, но с бытием.

Старик переписывается со многими. Эти «многие» (артисты Павел Кондратьев, Марианна Шульц, Дмитрий Петрунь, Анна Бороздина, Александр Хошабаев, Андрей Бирин) заполняют его квартиру, переругиваясь друг с другом. Владимир Ильич сходится с Елизаветой Два в схватке за жилплощадь Ивана Жукова. В конце концов Владимиру Ильичу с Василием Ивановичем достаются во владение награды Ивана Сидоровича и туалет, «хорошей актрисе Любови Орловой» — кухня, королеве английской — комната, ну а клопам — аккордеон. Лишь с одним адресатом не вступил Иван Сидорович при своей жизни в переписку — с Богом, и потому речи о том, останется ли от старика после смерти что-нибудь, что может унаследовать Он, не заходит. Но скорее всего не останется ничего. Машинисты сцены дали, машинисты сцены и взяли. Как там ни стучится Иван Сидорович в свое окошко, страшную металлическую конструкцию снова заколачивают. А когда артисты выходят на поклон, ими руководит старший машинист сцены.

201